

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н.Н. ТОЛСТОЙ – СТАРШИЙ БРАТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАСТАВНИК Л.Н. ТОЛСТОГО

Е.В. БЕЛОУСОВА

Музей-усадьба Л.Н.Толстого „Ясная Поляна”

Автор обращает внимание на большое нравственное и творческое влияние Николая Толстого на его младшего брата Льва, подтверждает свои выводы ссылками на «Воспоминания» Л.Н. Толстого. Показан фрагмент жизненного пути Николая: военная служба на Кавказе, приезд к нему Л.Н. Толстого; начало их творчества, одобрение Николаем первого произведения Л.Н. Толстого – повести «Детство». Автор высказывает причины невнимания читателей и литературоведов к творчеству Н.Н. Толстого.

Ключевые слова: брат, друг, охота, Кавказ, творчество, влияние.

«Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, – это был лучший мой друг» [8; 60, 356], – так на закате своей жизни Л.Н. Толстой писал о старшем брате Николае. Называя брата «лучший мой друг», Л.Н. Толстой имел в виду большое нравственное и творческое влияние его личности на своё мировоззрение. Николай ушёл из жизни в 1860 г., в возрасте 37 лет. Без него Лев проживёт ещё полвека, но не встретит никого, равного ему по тем совершенствам, которыми так щедро наделила его природа. С раннего детства до последних своих дней – до тщательно продуманного и юридически закреплённого в Завещании места своего последнего земного упокоения – Л.Н. Толстой боготворил брата.

Николенька родился 21 июня 1823 г. и более всех детей был похож на мать, Марию Николаевну Толстую, скончавшуюся в 1830 г. в возрасте 39 лет. День 14-летия Николая был омрачён смертью отца, Николая Ильича, внезапно ушедшего из жизни накануне своего 43-летия, 21 июня 1837 г. На закате жизни Толстой, вспоминая о матери и брате, писал: «У них обоих было очень мне милое свойство характера <...> – равнодушие к суждениям людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть те умственные, образовательные и нравственные преимущества, которые они имели перед другими людьми. <...> Была еще другая черта, обуславливающая, я думаю, их равнодушие к суждению людей, – это то, что они никогда, именно никогда никого, – это я уже верно знаю про брата, с которым прожил половину жизни, – никогда никого не осуждали» [8; 34, 349-350].

В «Воспоминаниях» Л.Н. Толстого имеется такое размышление: «В житиях Дмитрия Ростовского есть одно, которое меня всегда очень трогало, – это коротенькое житие одного монаха, имевшего, заведомо всей братии, много недостатков и, несмотря на то, явившегося в сновидении старцу среди святых в

самом лучшем месте рая. Удивлённый старец спросил: чем заслужил этот невоздержанный во многом монах такую награду? Ему отвечали: «Он никогда не осудил никого». Если бы были такие награды, я думаю, что мой брат и моя мать получили бы их» [8; 34, 350]. Неверие писателя в загробную жизнь души мешало осознать, что самые дорогие ему люди действительно получили эти награды. Почти всю свою жизнь Николай Толстой провёл странником: сначала, после смерти родителей, в домах своих опекунов-тётушек; получив в наследство Никольское-Вяземское, большую живописную усадьбу на юге Тульской губернии, он предпочёл её кавказским военным палаткам и казачьим наёмным углам; бывая в Москве, где было много знатной родни, скитался по окраинам первопрестольной; выйдя в отставку, поселился, наконец, в своём имении, но хозяином там себя не ощущал: ему покойнее было в лесах среди зверей и птиц. Чувствовал себя одинаково гостем и у сестры в Покровском, и у братьев в Ясной Поляне и Пирогове, и у Тургенева в Спасском-Лутовинове, и у Фета в Новосёлках, и у себя в Никольском. В 37 лет странником и закончил свой путь: в далёкой Франции, в южном курортном Гиере, где и донныне пребывают его останки.

В мае 1844 г. Николай блестяще закончил математическое отделение философского факультета Казанского университета. Перед ним открывались широкие перспективы по штатской службе и положению в высшем свете: по материнской линии Волконских братья Толстые вели свой род от князя-воина Рюрика. Наибольшим почитанием в их семье была окружена память святого князя-мученика Михаила Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. за отказ воздать почести хану Батыю, что было равносильно отречению от Христа. На протяжении десяти веков большинство потомков Рюрика стяжали доблесть и честь через воинскую славу; их именами украшены все важнейшие исторические эпохи России. Несомненно, фамильные традиции сыграли решающую роль, и в декабре 1844 г. Николай поступил на военную артиллерийскую службу в Москву. Такое времяпрепровождение не могло удовлетворить молодого юнкера, и он попросился в края, которые, благодаря романам А.А. Бестужева-Марлинского, поэмам и стихотворениям М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина, были овеяны ореолом романтики и удалого героизма – на Кавказ. 21 января 1846 г. он прибыл в чине прапорщика в горную батарею 20-й артиллерийской бригады, которая располагалась в станице Старогладковской Кизлярского округа Терской области. Действительность была далека от представлений, не было никакого романтизма в покорении мирного населения и в уничтожении лес, посевов и аулов. «Скиталец в восточных краях», – таким, по меткому выражению А.С. Грибоедова, ощущал себя Николай и всё русское войско, оторванное от Родины и родных. С небольшими перерывами он прожил здесь около 12 лет, до июля 1858 г., участвовал во многих военных экспедициях и имел четыре боевые награды. В то время, когда Николай Толстой вступил в суровую армейскую жизнь, его младший брат, по его собственной оценке, «жил очень безалаберно, без службы, без занятий, без цели» [8; 46, 36].

«Николинька здесь на отличной ноге: как начальники, так и офицеры товарищи все его любят и уважают. Он пользуется сверх того репутацией храброго офицера» [8; 59, 132]. Промежутки относительно спокойного быта с чтением,

охотой перемежались с боевыми кампаниями против отрядов Шамиля. В Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве хранится «Формулярный список о службе и достоинстве <...> Поручика Николая Графа Толстого». Вот один из штрихов боевой жизни Николая начала 1852 г.: «Рубка леса на берегу Мичика 18-го [февраля] – атака и истребление аулов, упорный бой с неприятелем в аулах; поражение горцев...» [11]. В этой военной экспедиции участвовали оба брата. Крупный военный отряд, в который входили орудия батареи под командованием Николая Толстого, двинулся вглубь Чечни. У реки Мичик завязался бой с шеститысячным отрядом горцев под предводительством Шамиля. Во время боя Лев едва не погиб. Это произошло 18 февраля, в день его Ангела. Воспоминание об этом братья сохранили на всю жизнь, и в 1855 г. Николай писал Льву из Никольского-Вяземского: «Помнишь ли, где мы были с тобой в день твоих именин, т. е. сегодня, 3 года тому назад? Сегодня утром у тебя подбили орудие, и мы тащились по Чечне под градом пуль» [6, 180]. Пережитое Толстым в том походе легло в основу рассказов «Набег» и «Рубка леса», написанных вскоре после экспедиции.

Участие в боях с чеченцами на время прервало работу Толстого над «Детством». 7 апреля 1852 г. он записал в дневнике: «Пошлю ли я или нет это сочинение? Я не решил. Мнение Николеньки решит это дело» [8; 46, 107]. 29 октября 1852 г. Толстой записал в дневнике: «Николенька пришёл ко мне и читал мне свои записки об охоте. У него много таланта. Но форма нехороша. Пусть он бросит рассказы об охоте, а обратит больше внимания на описания природы и нравов; они разнообразнее и очень хороши у него» [8; 46, 147]. 29 июня 1856 г. Толстой писал Н.А. Некрасову: «Получил я от брата Николая Записки Охотника его, листа 3 печатных. На днях покажу Тургеневу, но по-моему прелестно. Я писал брату, чтобы он разрешил мне напечатать, и тогда вам к 9-му номеру будет славная вещь» [8; 47, 346].

«Охота на Кавказе» была опубликована в февральском номере «Современника» за 1857 г. Прочитав очерк, И.И. Панаев писал И.С. Тургеневу: «Толстой доставил <...> драгоценную, капитальную вещь своего брата «Охота на Кавказе». Мы упивались, читая её с Боткиным. Какая простота, грандиозность картин, какое величие природы – чудо!» [4; 1, 134].

Основным содержанием «Охоты на Кавказе» является описание разного рода охот в горах Чечни, Дагестана, Тушетии, Осетии, Кабарды, перемежаемое советами по выбору оружия и собак. Попутно автор знакомит читателя с особенностями быта горцев. Последняя глава очерка под названием «История Саип-абрека» показывает жизнь Кавказа изнутри: повествование ведётся от лица ногайца Саипа, в молодости пленённого чеченцами. Автор подробно исследует психологию возникновения в горах такого сорта людей как абреки; это – «большую частью канлы, то есть убийцы» [10, 59]. Двадцатью годами раньше Лермонтов изобразил людей с подобной судьбой: каллы Аджы, Хаджи-абрека, Селима, Бей-Булата. В конце своего литературного пути Л.Н. Толстой поставит в этот ряд и своего Хаджи-Мурата.

В последние годы службы Николай Толстой начал писать повесть «Пластун», которая была опубликована после его смерти. Пластун, что значит: «не помнящий родства», – не имя, а указание на неизвестность происхождения

главного героя, от имени которого ведётся повествование. Он не казак и не горец, а то и другое вместе. При нападении горцев на казачьи станицы уводилось в плен их население. Пленникам-младенцам, выросшим в неволе, предоставлялась полная свобода, и они оставались в горах и нередко воевали то на стороне русских, то против них.

Типичным явлением на Кавказской войне был и захват русскими в плен детей горцев. Судьба одного из них стала темой поэмы «Мцыри». Лермонтов предложил понимать это грузинское слово как «послушник». Но оно имеет и другие значения: «чужеземец», «одиноким человек, не имеющий родных». Таким образом, героями Лермонтова и Николая Толстого стали люди с похожей судьбой.

Вероятно, одновременно с охотничьими очерками Николай писал и другое произведение, о котором ничего неизвестно, кроме двух упоминаний в дневнике его брата. 13 июня 1856 г., в период возобновления работы над «Кзаками», Толстой записал в дневнике: «Читал прелестнейший рассказ Чеченка Николиньки. Вот эпический талант громадный» [8; 47, 81]. 14 июня он снова «читал Николенькин рассказ, опять заплакал» [8; 47, 82].

В начале творческого пути братья Толстые стали друг для друга первыми литературными критиками. Положившись на мнение Николая о своём первом автобиографическом произведении, Лев отправил его на суд редактора «Современника», блестяще вошёл в литературу и своими новаторскими творческими методами вызвал большой интерес у критиков. При содействии Льва в том же журнале вышли в свет очерки Н. Толстого «Охота на Кавказе».

При жизни автора «Очерки на Кавказе» не удостоились серьёзной и внимательной критики. Восторженные отзывы о них появились лишь в частной переписке Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, И.С. Тургенева, В.П. Боткина, А.А. Фета, А.В. Дружинина.

Профессиональному критику Н.Г. Чернышевскому «Охота на Кавказе» не понравилась. В письме Н.А. Некрасову от 13 февраля 1857 г. он назвал «очерки» подражанием Аксакову и Тургеневу. Он не упомянул об «Охоте на Кавказе» ни в одной из своих статей тех лет, посвящённых творчеству Л.Н. Толстого и другим литературным новинкам, появлявшимся на страницах «Современника».

Л.Н. Толстой хотел знать суждение П.В. Анненкова об очерках Николая. Он просил его: «Напишите, ежели не мне, то Тургеневу Ваше искреннее мнение о рассказах брата» [8; 60, 164]. 14 марта 1857 г. П.В. Анненков отвечал: «Кавказские рассказы Вашего брата, Толстой, страдают, по моему мнению, тем, что не имеют никакого центра. Он слишком человек только *глазеющий* – поэтому и его превосходные картины охоты разорваны, бегут все врозь без оглядки, и читатель их догнать не может: оттого и малый успех этих, в сущности, замечательнейших описаний. Связующего элемента мысли, воззрения, события или, наконец, просто приятной авторской личности им недостаёт – вот что. В следующий раз он представит, я уверен, нечто более плотное – и этого от него следует требовать, потому что у него есть важное качество – *простота поэзии*» [5; 1, 305].

Необходимо обратить внимание на то, что Л.Н. Толстым «Охота на Кавказе» была названа «записками», а П.В. Анненков именует её «рассказами» – с таким

наименованием «Охота на Кавказе» появилась на страницах «Современника». Жанровые особенности рассказа – это ёмкость деталей, глубина подтекста, концентрация автора на отдельном событии или одном эпизоде жизни человека. Если таким критерием оценивать «Охоту на Кавказе», то она не может быть названа рассказом. В произведении Н.Н. Толстого критик ищет «центр», целостность картин охоты, «связующего элемента мысли», т.е. основных элементов рассказа. Однако автор создавал именно разновидность рассказа – очерк, отличающийся большей нравоописательностью; он разделил его на семь глав с самостоятельными, жизненно достоверными сюжетами. Замечание Анненкова о том, что «приятной авторской личности им недостаёт», можно опровергнуть тем, что образ автора мастерски скрыт за образом повествователя.

Л.Н. Толстой называл произведение брата записками. В советском литературоведении за ними закрепилось наименование очерков. А Некрасов видел в них нечто большее: «Автор не виноват, что это не повесть, но задачу, которую он себе задал, он выполнил мастерски и, кроме того, обнаружил себя поэтом» [3; 14: 2, 468], – писал он Тургеневу. Вот достойный ответ критике Анненкова! Некрасов увидел в созданном Н.Н. Толстым именно повесть со всеми её особенностями: «преобладанием хроникального начала в сюжете, а также осязательностью голоса повествователя» [1, 409].

Последнее, на что следует обратить внимание в письме П.В. Анненкова – замечание об отсутствии чёткой формы у Н.Н. Толстого: «картины охоты разорваны»; содержание страдает недостатком единства «мысли, воззрения, события». «Картины охоты» таковы оттого, что это именно записки об охоте, а не единый рассказ. Единственной причиной, которой возможно объяснить такое резкое неприятие критиком творчества Н.Н. Толстого, может быть то, что в то время он работал над подготовкой собрания сочинений Пушкина, заново прочитывал рукописи поэта; разумеется, находился под обаянием несравненного гения, и никакой другой литературы для него в тот момент не существовало.

Далеко не всегда о профессионализме писателя можно судить по наличию в произведении единства формы и содержания. Это было замечено многими литературоведами, в том числе Д.С. Лихачёвым: «Не всегда различается конкретная неразрывность формы и содержания и их художественное единство, художественное соответствие друг другу. <...> Полное достижение художественного единства содержания и формы возможно лишь в идеале» [1, 143]. Учёный выявляет и такой факт как «отставание формы от содержания», которое «не нарушает единства формы и содержания в той мере, в какой это нарушение привело бы к исчезновению художественности» [2, 145]. Ответом Д.С. Лихачёва, литературоведа века XX-го его коллеге-предшественнику о нарушениях «телеологии» является такое утверждение: «Чаще всего они – следствие недостатка творческой собранности автора, незавершённости его работы над произведением, вторжения посторонних творческому процессу факторов. <...> Для истории литературы как искусства, для проникновения в художественную сущность произведения удельный вес их сравнительно невелик» [2, 146].

Все перечисленные факторы действительно имели место во время работы Н.Н. Толстого над очерками: «творческая собранность» нарушалась военными экспедициями, переездами с места на место, чисто «офицерским» стилем

времяпровождения, всё это – «посторонние творческому процессу факторы». Помимо этого, произведение не было завершено автором.

Причиной того, почему личность и творчество Н.Н. Толстого ни разу в истории литературоведения не стали предметом научного изучения, является исключительное внимание отечественных и зарубежных исследователей к творчеству его младшего брата Л.Н. Толстого. В данной ситуации талант Н.Н. Толстого незаслуженно остаётся в тени. Так было и при их жизни. В своих «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой объяснил причину этого: «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел тех недостатков, которые нужны для того, чтобы стать писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нём думают люди» [8; 34, 384].

На сегодняшний день имеется всего лишь четыре издания произведений Н.Н. Толстого:

1. «Охота на Кавказе» (М., 1922; тираж 2000 экз.); это второе издание, появившееся спустя 65 лет после первой публикации в «Современнике».
2. «Пластун» (журнал «Красная новь», 1926. № 5, 7);
3. «Весенние поля» и «Заяц» (альманах «Охотничье сердце», 1927).
4. «Сочинения» (Тула, 1987, тираж 50000 экз.), включающие все четыре произведения Н.Н. Толстого.

В именном каталоге Российской Государственной библиотеки, насчитывающей более 44 млн. единиц хранения на 367 языках, персоналия «Н.Н. Толстой» представлена одной единственной карточкой: «Охота на Кавказе. С предисловием М.О. Гершензона. М., 1922».

В научной библиотеке музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» нет первого издания произведений Н.Н. Толстого «Пластун», «Весенние поля» и «Заяц» 1926-1927 гг.

Существуют всего три небольших очерка о творчестве Н.Н. Толстого, два из которых – предисловия к публикациям 1922 и 1926 гг., упомянутых выше:

1. М.О. Гершензон. Предисловие к очеркам «Охота на Кавказе». М., 1922. С. 5-12.
2. А.Е. Грузинский. Предисловие к повести «Пластун». Журнал «Красная новь». М., 1926. № 5, 7.
3. Г.Г. Ханмурзаев, д.ф. н., профессор. Очерки «Охота на Кавказе» Н.Н. Толстого. Сборник научных сообщений Дагестанского государственного университета (филология). Махачкала, 1964. С. 158-168.

В своей диссертации «Дагестан в русской прозе XIX века» в 1965 г. Г.Г. Ханмурзаев посвятил «Охоте на Кавказе» две страницы [1; 5, 13-14]. На этом закончились попытки исследования творчества Н.Н. Толстого в XX веке.

В 1922 г. литературовед, философ, публицист и переводчик М.О. Гершензон издал «Охоту на Кавказе» – спустя 65 лет после первой публикации в «Современнике».

М.О. Гершензон не знал о существовании других произведений Н.Н. Толстого. «Эта статья («Охота на Кавказе» – прим. Б.Е.) – по-видимому единственное, что сохранилось от Н.Н. Толстого. Сколько помнится, о ней до сих пор не было подробных сведений в толстовской литературе», – писал он в

предисловии к очеркам [9, 5]. Свою цель по отношению к статье, как он называет «Охоту...», критик обосновал так: «Её стоит воскресить, прежде всего, как прекрасное литературное произведение; притом, она в различных отношениях любопытна по отношению к Л.Н. Толстому: по ней мы можем составить себе хоть некоторое представление о личности человека, оказавшего несомненно сильное влияние на Л.Н.» [9, 5].

М.О. Гершензон готовил к публикации очерки Толстого одновременно с работой над своими сочинениями «Ключ веры», «Гольфстрем», «Мудрость Пушкина», «Мечта и мысль И.С. Тургенева». В то время он был первым председателем Всероссийского Союза писателей.

Были и другие обстоятельства, сыгравшие роль в его обращении и к творчеству Л.Н. Толстого, и к рукописям «Охоты на Кавказе»: во-первых, влияние на него религиозной философии позднего Толстого; во-вторых, его родство и дружба с последователем и почитателем Л.Н. Толстого, композитором и мемуаристом А.Б. Гольденвейзером: М.О. Гершензон был женат на его сестре М.Б. Гольденвейзер.

Литературовед обращает внимание на композицию сюжета, его компонентов и деталей. По качеству «тончайших наблюдений и точных знаний» очерки Л.Н. Толстого напоминают ему творчество С.Т. Аксакова и американского орнитолога и художника Джона Джеймса Одюбона. При изучении очерка он понял основные черты личности автора: «Он ничего не подчёркивает, ничего не навязывает, он благородно сдержан без всякой сухости» [9, 5].

Особо ценным для литературоведения является сравнение Гершензоном стилевых особенностей братьев: «В то время, как Л.Н. Толстой в своих кавказских и крымских повестях, изображая людей, хочет показывать их душу, их мироощущение и нравственный строй, – автор «Охоты на Кавказе» не задаётся никакими притязаниями, а просто описывает человека с лица, не оглядывая его со всех сторон, не забираясь внутрь его, и эта спокойная живопись достигает у него, как и у Тургенева, отличных результатов» [9, 7].

В своих основных чертах анализ М.О. Гершензона перекликается с кратким разбором «Охоты на Кавказе» Н.А. Некрасова в его письме от 22 апреля 1857 г. И.С. Тургеневу: «Автор не виноват, что это не повесть, но задачу, которую он себе задал, он выполнил мастерски и, кроме того, обнаружил себя поэтом» [3; 12, 68]; этой цитатой он и заканчивает первую, трёхстраничную главку своего предисловия. Вторая глава, состоящая из четырёх с половиной страниц, посвящена сравнению «Охоты на Кавказе» с повестью «Казачья», замысел которой возник у Л.Н. Толстого в станице Старогладковской. Главный объект сравнений литературоведа – казак Епифан Сехин, изображённый братьями как Епишка в «Охоте...» и Ерощка в «Казачьях». «Оба описания тождественны до мелочей» [9, 7], – отмечает М.О. Гершензон. Далее следуют две пространные цитаты из произведений братьев, подтверждающие это тождество. Подмечена и разница: «У Л.Н. Толстого портрет Епишки написан объективно и только просвечивает психологией; Л.Н. Толстой, напротив, вскрывает её и демонстрирует Оленину и читателю. Ему, ради Оленина, нужно рассказать мировоззрение Ерощки, и Ерощка у него много разговаривает, объясняет себя» [9, 11]. Свои выводы автор статьи подтверждает отрывком из «Воспоминаний» А.А. Фета, замечания

которого об изображении Епифана Сехина братьями Толстыми во многом сходны с мыслями Гершензона.

Изучение творчества Н.Н. Толстого продолжил филолог и переводчик А.Е. Грузинский. Спустя четыре года после публикации М.О. Гершензоном «Охоты на Кавказе» он выпустил в свет незавершённые произведения Н.Н. Толстого, названия которым были даны издателем: «Пластун» (журнал «Красная новь», 1926. № 5, 7) «Весенние поля», «Зяц» (альманах «Охотничье сердце», 1927).

В 1922-1930 гг. А.Е. Грузинский являлся заведующим отделом рукописей Л.Н. Толстого, в состав которого входил и фонд Н.Н. Толстого. Впоследствии А.Е. Грузинский вошёл в состав редакционной коллегии Полного 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого, выходявшего с 1928 по 1958 г., и подготовил к изданию многие произведения писателя. Примечательно, что начало работы А.Е. Грузинского как толстоведа-текстолога связано было с творчеством Н.Н. Толстого.

В «Предисловии» к «Пластуну» он даёт читателю своё представление о Н.Н. Толстом и пишет: «Судя по тому немногому, что мы знаем о нём, Николай Николаевич отличался выдающимися способностями личности, и его богатый духовный мир был так своеобразен, что он повсюду привлекал к себе общий интерес и симпатию» [10, 158].

Большой удачей А.Е. Грузинского является то, что в незавершённой повести Н.Н. Толстого «Пластун» он увидел целостность, внутреннюю скоординированность всех деталей и сюжетных сцеплений. Это достижение автора он характеризует так: «Это попытка свободно, при помощи творческой фантазии обработать обширный разнообразный материал, связав его нитью повествовательной фабулы» [10, 160]. В том, что исследователь усматривает влияние на автора повести «известного литературного образца» – романов Дж.Ф. Купера «Следопыт» и «Зверобой», ничуть не умаляет творческих достоинств Н.Н. Толстого. Сравнение сюжетных повествований о людях, осознающих своё неразрывное родство с природой, простирается А.Е. Грузинским до такого вывода: «Его (Н.Н. Толстого), как и Купера, привлекала более всего психологическая задача. Он даёт нам могучую вольную природу края и на этом ярком фоне ставит фигуру своего юноши-героя, привлекательное первобытное дитя природы с глубокими, инстинктивными нравственными запросами» [10, 161]. Подмеченная учёным особенность духовного мира героя Н.Н. Толстого наводит на мысль, что эта особенность присуща не только Пластуну, но и его создателю; что в его размышления о жизни, в его рассказы вложено много личного. Эта авторская особенность, обозначенная как «психическое наполнение персонажа», была подмечена А.П. Скафтымовым и подробно рассмотрена им в статье «Идеи и формы в творчестве Л.Н. Толстого»: «Ни в какой стороне творческого процесса не сказывается столь сильно личное своеобразие писательской индивидуальности, как в области психического рисунка. <...> Во всяком художнике, наблюдающем и изображающем психику, необходимо предположить присутствие его собственной индивидуальной отправной точки зрения, которая управляет его вниманием, придаёт его созерцанию своеобразную и особую восприимчивость к выделенным сторонам и моментам наблюдаемого поля» [7, 139].

Есть в статье А.Е. Грузинского некоторые моменты, с которыми трудно согласиться. Во-первых, это неоднократное указание на то, что Н.Н. Толстой шёл «по следам Купера». Можно было бы ограничиться однократным замечанием о некотором сходстве, тем более что «вопрос о воспроизведении “живого человека”» [7, 134], как назвал это явление А.П. Скафтымов, был характерен для европейской литературы 1840-1850-х гг. Во-вторых, А.Е. Грузинский находит в «Пластуне» следы романтизма в стиле Байрона и Пушкина, и задаётся вопросом: «Много ли тут выдумки?», и тут же противоречит собственным выводам, ссылаясь на труд историка Ф. Щербины «История Кубанского войска», в котором описаны нередкие факты кражи горцами детей из казачьих семей и воспитания их согласно своим обычаям. Один из таких случаев и лёг в основу повести «Пластун», второе название которой – «Из воспоминаний пленного».

Едва коснувшись в начале своей статьи о творчестве Н.Н. Толстого проблемы влияния его на младшего брата, А.Е. Грузинский после детального анализа «Пластуна» снова возвращается к тому же размышлению: «Теперь, после знакомства с “Пластуном”, мы ещё лучше и полнее понимаем, почему Л. Толстой приписывал этому брату огромное влияние на себя, и в чём оно состояло. Н. Толстой мог учить брата вдумчивости, углублённости, спокойствию, мягкости; <...> оно, конечно, не ограничивалось одним нравственным миром, а должно было известным образом давать себя чувствовать и в литературной области» [10, 165].

Завершается статья упоминанием о том, что «в бумагах его остались ещё в виде сырого матерьяла отрывочные записи о преданиях кавказского племени Абадзехов и основанный на них краткий план повести под заглавием “Последний Нуртазали”» [10, 165] и «Записки об охоте», которые «только начаты, не представляют ничего цельного» [10, 165]. В следующем, 1927 году А.Е. Грузинский обратил более пристальное внимание на «Записки», подготовил их к печати и присвоит им названия «Весенние поля» и «Заяц».

В 1964 г. вышла статья Г.Г. Ханмурзаева «Очерки “Охота на Кавказе” Н.Н. Толстого» [13], предварившая защиту им в 1965 г. кандидатской диссертации «Дагестан в русской прозе XIX века» [12]. Повторяя в статье всё, что известно о творчестве Н.Н. Толстого из работ М.О. Гершензона и А.Е. Грузинского; используя те же самые цитаты из дневника Л.Н. Толстого, писем Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, автор особо выделяет описания автором растительного и животного мира Кавказа. Умалает значение этой статьи отсутствие кавычек и ссылок на первоисточники в многочисленных случаях цитирования работ М.О. Гершензона и А.Е. Грузинского. Говоря о персонажах «Охоты на Кавказе», исследователь подробно останавливается на портрете горца Гирей-хана, однако к характеристике этого охотника, данной автором, он не прибавляет ничего нового.

Нет никакой новой информации и в рассуждениях Г.Г. Ханмурзаева о наиболее известном персонаже – казаке Епифане Сехине, полностью заимствованных из статей М.О. Гершензона и А.Е. Грузинского.

«Желанным гостем у кизлярцев был Мамонов» [13, 164], – так Г.Г. Ханмурзаев начинает описание храбреца, известного в то время многим обитателям Кавказа. Далее следует его вольный пересказ текста очерков об этом Мамонове. А он мог бы сопроводить научным комментарием эту персоналию: из

описаний его личности Н.Н. Толстым следует, что этот человек был хорошо известен в Дагестане. Но чем известен – об этом Николай не написал. Подобные «недоговорённости» – прекрасная возможность для научного комментирования текстов произведений.

Из главы «Конная облава. Зимняя охота за кабанами» исследователь цитирует: «Пока князь разговаривал с ними по-кумыцки...» [9, 44]. Кто этот князь? Чуть выше этой цитаты Н.Н. Толстой называет две начальные буквы имени или фамилии этого князя: «Накануне дня, назначенного для охоты, мы, то есть князь Ар..., один мой товарищ и я, переехали из станицы в Хамар-Юрт, деревню Арх...» [9, 44]. Какие причины побудили автора скрыть фамилию князя и название деревни в Нагорном Дагестане? Это единственный случай полунамёка; во всех остальных эпизодах персонажи и населённые пункты названы полностью. Например, в следующей главе при описании охоты на коз и оленей в Кабарде автор с удовольствием и некоторой гордостью называет имя князя Адыка Наврузова, с которым любит выезжать на охоту.

Очевидно, кавказцу, занявшемуся темой отражения Дагестана в творчестве русских писателей, совсем не сложно было бы заменить многоточия полной фамилией князя и названием деревни – в таком случае следующие исследователи имели бы прекрасный историко-этнографический комментарий к «Охоте на Кавказе».

В 1990 г. увидела свет книга «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями» – итог многолетнего труда сотрудников Отдела рукописей ГМТ, снабжённая вступительной статьёй Л.Д. Опульской, обстоятельным научным комментарием и алфавитным указателем. В книгу включены 44 письма Н.Н. Толстого к Л.Н. Толстому 1838-1860 гг. – на сегодняшний день это наиболее значительное по объёму опубликованное эпистолярное наследие старшего из детей Николая Ильича и Марии Николаевны Толстых.

В 1999 г. вышла книга Н.И. Бурнашёвой «Раннее творчество Л.Н. Толстого. Текст и время». Этот труд можно считать исследованием иного жанра творчества Н.Н. Толстого – его эпистолярного наследия, которое необычайно оригинально как по стилю, так и по содержанию.

В своей книге исследователь-текстолог обильно цитирует переписку братьев Н.Н. и Л.Н. Толстых; дневниковые записи и письма писателя о старшем брате, а также упоминания о Н.Н. Толстом в мемуарах С.А. Толстой, А.А. Фета, А.А. Стаховича, «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого. Н.И. Бурнашёва приводит письма Н.Н. Толстого братьям и сестре, из которых впоследствии Л.Н. Толстой выделит нужные ему фрагменты размышлений, поведения, житейских сценок, творчески переосмыслит и включит

этот автобиографический материал в трилогию «Детство. Отрочество. Юность», в Набег», «Рубку леса» «Севастопольские рассказы».

В 2002 г. в «Толстовском ежегоднике ГМТ» была опубликована статья Е.В. Белоусовой «Николай Толстой – собрат писателя по перу», в которой представлен его жизненный и творческий путь, рассмотрен вопрос о его литературном влиянии на брата.

Жизнь и творчество «одного из лучших людей», любимого брата одного из лучших и известнейших писателей с мировой славой заслуживает более пристального внимания и обещает много неожиданных открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в литературоведение. Под редакцией Г.Н. Пospelова. М., 1988.
2. Вопросы методологии литературоведения. М.-Л-д, 1966.
3. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 15 томах. СПб., 1981-1999. Т. 14.
4. Переписка Н.А. Некрасова с русскими писателями в двух томах. М., 1987. Т.1.
5. Переписка Л.Н. Толстого с русскими писателями в двух томах. М., 1978.
6. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990.
7. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М. 1972.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М., 1928-1958.
9. Толстой Н.Н. Охота на Кавказе. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1922.
10. Толстой Н.Н. Сочинения. Тула, 1987.
11. Формулярный список Н.Н. Толстого. ОР ГМТ.
12. Ханмурзаев Г.Г. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Махачкала, 1965.
13. Ханмурзаев Г.Г. Очерки «Охота на Кавказе Н.Н. Толстого //Сборник научных сообщений (Филология). Дагестанский государственный университет. Махачкала, 1964. С. 158-168.
14. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. М., 1939-1951. Т. 14.

N.N.TOLSTOY: THE ELDER BROTHER AND THE LITERATURE TEACHER OF L.N.TOLSTOY

E.V.Belousova

Estate-museum of L.N.Tolstoy „Yasnaya Polyana”

The article is dedicated to L. Tolstoy's elder brother Nikolay and to his great moral and literary influence on L. Tolstoy. The author corroborates her conclusions with references on Tolstoy's «Memoirs». N. Tolstoy's life and military service in the Caucasus; the arrival here of his brother Leo; the beginning of their literary career; Nikolay's approval of Leo's novel «Childhood» are shown in the article. The author advances the opinion upon the reasons of inattention of the readers and philologists to N. Tolstoy's literary works.

Key words: *brother, friend, hunting, Caucasus, literary career, influence.*